

22

Разослать членам Политбюро ЦК КПСС и
кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС
8 февраля 1970 года

А.Громыко

ЦК КПСС 38
09 ФЕВ 1970
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
ЗАБЫЧИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

Секретно. Экз. № 9
9 февраля 1970 года

Исх. № 2357 ГС

РАССЕКРЕЧЕНО
Решение 502-рс
"09.08.2011 г."

Дата решения

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

А.А.Громыко со статс-секретарем ведомства
ФЕДЕРАЛЬНОГО КАНЦЛЕРА Э.Баром

8 февраля 1970 года

В начале беседы А.А.Громыко и Э.Бар выразили удовлетворение в связи с подписанием советско-западногерманского контракта по газу. Речь идет, отметил Бар, о долговременном соглашении, которое воплощает представление ФРГ насчет межгосударственной экономической кооперации. В свою очередь А.А.Громыко выразил надежду, что это соглашение окажет положительное влияние на развитие советско-западногерманских отношений.

Напомнив об обещании советской стороны продумать высказанные им на предыдущей встрече соображения, Э.Бар сказал, что был бы рад услышать мнение А.А.Громыко, после чего он даст, если возникнет надобность, дополнительные пояснения взглядов правительства ФРГ.

А.А.Громыко отметил, что из сказанного нами в предшествующих беседах западногерманская сторона получила представление о том, какое значение Советский Союз придает вопросу о границах. Очевидно, и в ФРГ отдают себе отчет в важности этого вопроса: без конкретной договоренности по нему трудно говорить о возможности успеха дела, которому мы уже посвятили значительное время. Напротив, нахождение общего языка в вопросе о границах во многом облегчило бы взаимопонимание.

Нужна полная ясность в том, что ФРГ не только отказывается от территориальных претензий и признает территориальную

Борисов М.А.
отделение.
10/11/70г. Борисов

26 29

целостность и неприкосновенность государств, но и не имеет намерений добиваться изменения сложившихся после войны границ. Ведь мыслимо такое положение, что на второй день или через месяц после достижения договоренности о неприменении силы западногерманская сторона скажет: мы заключили соглашение с социалистическими странами, однако от намерений изменить границы мы не отказались. Подобное соглашение не имело бы ценности. Да вряд ли в ФРГ и рассчитывают на договоренность, которая допускала бы в будущем выдвижение требований о пересмотре то одной, то другой границы.

В какой формулировке будет выражена мысль, что ФРГ не добивается и не будет добиваться изменения границ, это можно обсудить. Если серьезно подходить к делу, то здесь есть простор для выбора соответствующей формулировки. Когда ясна мысль, ее нетрудно выразить.

Советская сторона, продолжал А.А.Громыко, старалась точно понять суть различных высказываний представителей ФРГ по территориальному вопросу. Вероятно, они считаются совместимыми друг с другом, дополняющими одно другое. Однако наша просьба конкретизировать одну из формулировок, а именно заявление Брандта об уважении со стороны ФРГ границ других государств, в том числе границ между ГДР и ФРГ, осталась пока без ответа.

Заслуживает внимания и другой аспект вопроса о границах, по которому должна быть полная ясность. Из высказываний представителей западногерманской стороны вытекает, что правительство ФРГ скорее склоняется к тому, чтобы вопрос о сложившихся в Европе границах был отражен в качестве общего положения в соглашении о неприменении силы между СССР и ФРГ, а конкретизация границ была бы зафиксирована в соглашениях с соответствующими социалистическими государствами. Мы считаем, отметил А.А.Громыко, что соглашения о неприменении силы между ФРГ и соцстранами, разумеется, будут отражать те или иные специфические моменты, однако все соглашения должны быть адекватны по основному их содержанию. Задача заключается в том, чтобы, двигаясь от общего к частному, выработать соответствующие приемлемые для всех участников формулировки, касающиеся признания незыблемости европейских границ.

Советская сторона была бы признательна за дополнительные разъяснения относительно того, какие представления имеются у правительства ФРГ на этот счет и, в частности, как, по его мнению, мыслится зафиксировать в соглашении об отказе от применения силы между СССР и ФРГ обязательства в отношении европейских границ как в общем принципиальном плане, так и с точки зрения их конкретизации.

Э.Бар отметил, что он согласен с советской точкой зрения о том, что вопрос о границах - это основной вопрос, по которому должна быть полная ясность. Теоретически, действительно, он мог бы представить, что мы заключим соглашение об отказе от применения силы и через неделю дадим ему различное истолкование. На деле, однако, это было бы глупостью со стороны ФРГ. Федеративной Республике предстоит долгий путь в отношениях с Советским Союзом, и было бы плохо начинать его с различных трюков.

Я, сказал Бар, разделяю точку зрения о том, что следует идти от общего к частному, от общего вопроса о границах к конкретным границам. Вместе с тем нельзя не видеть, что положение отдельных границ неодинаково. Политически мы согласны в том, что все границы в Европе необходимо уважать. С политической точки зрения нет различий между границей в Берлине и, скажем, границей между СССР и Финляндией, - они неприкосновенны. Граница между ЧССР и ФРГ также неприкосновенна, как и граница между ФРГ и ГДР. Уважение всех границ должно быть одинаково действенным и одинаково обязательным. Уважение границ отвечает задаче недопущения агрессии с немецкой земли.

Если же, однако, продолжал Бар, отвлечься от политической реальности и взглянуть на проблему границ с международно-правовой точки зрения, то по существу граница между СССР и Польшей нас не касается, как и, строго говоря, граница между ГДР и ПНР. Мы, однако, обсуждаем вопрос о границе по Одеру-Нейсе, поскольку она является результатом второй мировой войны и в международно-правовом смысле еще не зафиксирована. Если бы в Потсдамском соглашении не было положения о том, что границы должны быть окончательно урегулированы в мирном договоре, то мы сейчас не вели бы речь о границе по Одеру-Нейсе.

ФРГ ничего не хочет изменять в компетенции четырех держав. Это, разумеется, относится и к ее отношениям с тремя западными державами. Представители четырех держав заявили, что границы Польши должны оставаться там, где они проходят, но они также сказали, что вопрос о германских границах будет окончательно решаться в мирном договоре. На первый взгляд здесь имеется противоречие, на самом деле его нет. Политически вопрос решен и речь идет об оформлении границ, их формализации.

Мы знаем, пояснял далее Бар, что в отношении границы по Одеру-Нейсе ничего нельзя изменить. Мы, однако, не знаем, когда будет воссоединение Германии, и будет ли оно. Но оно будет возможно только лишь после подтверждения существующих границ.

Разумные люди в ФРГ, продолжал Бар, делают правильные выводы: границы должны оставаться там, где они сейчас существуют. К сожалению, у нас есть и неразумные люди, которые говорят о правовых претензиях, вытекающих, по их мнению, из Потсдама. В течение многих лет эти люди питали ложные надежды на то, что стоит только немного подождать и они вернутся на старые места. С этим приходится считаться. Необходимо поэтому найти такую формулировку о границе по Одеру и Нейсе, которая учитывала бы различные точки зрения.

Граница между ГДР и ФРГ, сказал Бар, также должна уважаться, хотя это и единственная граница, которую оба германских государства в соответствии со своими конституциями хотели бы устраниć.

А.А.Громыко обратил внимание Бара на то, что в конституции ГДР не говорится о ликвидации ее границы с ФРГ.

Э.Бар ответил, что и в конституции ФРГ нет положения о ликвидации этой границы. Оба германских государства, каких бы противоположных представлений о единой Германии они ни придерживались, надеются на то, что Германия будет объединена и тогда граница между ними исчезнет. Но пока существуют ГДР и ФРГ, границы между ними должны уважаться, как и любые другие границы.

Следовательно, формула о границе между ГДР и ФРГ должна включать в себя и положения о воссоединении, ссылка на которое имеется в конституциях обоих германских государств.

Что касается соглашений о неприменении силы, то в соглашении по данному вопросу между ФРГ и СССР должен найти отражение общий тезис об уважении границ, который, по мнению Бара, покрывал бы соответствующие положения соглашений ФРГ с другими социалистическими странами, но который не содержал бы конкретизации по отдельным границам, поскольку в противном случае у других социалистических стран возникло бы чувство, что СССР и ФРГ заранее решают эти вопросы за них.

В ФРГ, подчеркнул Бар, понимают солидарность СССР с другими социалистическими странами и не умаляют значения особой роли Советского Союза в социалистическом лагере. Поэтому, сказал он, нам надо найти такую формулировку о границах, которая покрывала бы все остальные формулировки по этому вопросу, имела бы обязательный характер и была бы конкретизирована и дополнена в соглашениях с отдельными социалистическими странами. Это, разумеется, предполагает, что во всех соглашениях будут сходные, родственные формулировки.

А.А.Громыко заметил, что для участников Потсдамского соглашения вопрос о границах был единым как с политической, так и юридической точек зрения. Они рассматривали границы через синтез политического, юридического, географического и т.д. Верно, что в Потсдамском соглашении говорится о возможности мирного договора, Но ведь затем, после Потсдама, возникли два суверенных германских государства, мирного договора нет и не предвидится. Но это отнюдь не означает, что вопрос о сложившихся в Европе границах окончательно не решен и что они не должны где-то и когда-то рассматриваться.

В Вашей позиции, продолжал А.А.Громыко, есть и положительный элемент, а именно: возможное соглашение по неприменению силы должно содержать ясные положения по вопросу о границах. Но такая постановка вопроса еще не полностью отвечает тому, что именно должно быть сделано, другими словами, - что именно должно быть сказано.

Если правительство ФРГ не добивается пересмотра границ, то необходимо ясно заявить о признании реального положения и не цепляться за формулировки, которые препятствуют этому. Нам хочется верить, что правительство ФРГ будет исходить из этого, исходить из широких интересов безопасности, из стремления, не в последнюю очередь, улучшать отношения между нашими странами.

Вопрос о воссоединении Германии и о признании европейских границ — это разные вопросы. В конституциях обоих германских государств есть ссылки на объединение. Естественно, та и другая сторона может иметь на этот счет свои взгляды, как и другие государства могут иметь свои взгляды на этот счет. Но это не может предопределять отношение к вопросу признания или непризнания границ, сложившихся в Европе.

Нам бы хотелось, чтобы западногерманская сторона серьезно подумала, какую взаимоприемлемую политическую формулу по европейским границам можно найти, которая отвечала бы реальному положению, интересам упрочения мира в Европе и исключала бы всякие установки на ревизию существующих границ. Возможно, в позиции ФРГ имеются еще резервы в смысле приближения ее к тому, чтобы исходить из реально существующего положения.

Все главные обсуждаемые вопросы европейской безопасности должны быть отражены в соглашениях с социалистическими странами и должны решаться в комплексе. Вы, очевидно, понимаете, что социалистические государства, с которыми имеется в виду заключить соглашения об отказе от применения силы, имеют общую позицию. И, конечно, достижение договоренности с Советским Союзом облегчало бы договоренность между ФРГ и с другими социалистическими государствами.

Э. Бар соглашается с тем, что два германских государства могут иметь свои собственные представления о будущем и что расхождения в этих представлениях не должны мешать решению соответствующих вопросов. Это, следовательно, означает и то, что уважение границы между ФРГ и ГДР не должно мешать этим государствам выступать в пользу воссоединения. Если с учетом этого будет найдена соответствующая формулировка, то вопрос о границе между

двумя германскими государствами можно будет считать решенным.

А.А.Громыко еще раз подчеркнул, что выступления в пользу той или иной социально-экономической системы, о чем говорил Бар, различные представления относительно будущего германских государств - один вопрос, договоренность же о неприменении силы - это совершенно другой вопрос. Если обусловливать решение одного вопроса другим, можно создать непреодолимые трудности на пути к соглашению.

Мы не отрицаем, что западногерманская сторона кое-что сделала в направлении признания реальностей. Но почему бы не сделать еще один шаг, который привел бы нас к договоренности. От этого выиграли бы все: и немцы и русские, французы и англичане, все народы Европы. Кое-кто, очевидно, хочет, чтобы наши страны жили в ссоре. Давайте решать вопросы наших отношений сами; у вас и у нас - советских людей - своя голова на плечах.

Э.Бар согласился с этим, подчеркнув, что он за внесение полной ясности в понимание мотивов и намерений сторон.

А.А.Громыко. В отношении Западного Берлина должна быть также внесена полная ясность. Если мы правильно понимаем позицию ФРГ, то положение о том, что ФРГ признает территориальную целостность государств, не предъявляет территориальных притязаний кому бы то ни было, уважает европейские границы, относится также и к Западному Берлину. ФРГ не может распоряжаться Западным Берлином как принадлежащей ей территорией. Это должно быть учтено и в соглашении о неприменении силы.

Пользуюсь случаем, чтобы обратить внимание на то, что и действия правительства ФРГ осложняют положение в Западном Берлине и вокруг него. Мы не думаем, что такая политика укрепляет вообще позиции ФРГ. Напротив, из этого вытекает больше минусов для ФРГ, не говоря уже о том, что незаконная деятельность ФРГ в Западном Берлине отравляет отношения между нашими странами и не только между ними. Было бы лучше и дальновиднее, если бы эта деятельность была прекращена и статус Западного Берлина как особой политической единицы уважался всеми.

Советское правительство, видимо, в недалеком будущем даст ответ трем западным державам по вопросу о Западном Берлине. Мы стремимся создать такое положение, при котором Западный Берлин перестал бы быть источником трений и напряженности. Но не все от нас зависит.

Э.Бар сказал, что он предвидит большие трудности в вопросе о Западном Берлине. ФРГ не может принять тезис о самостоятельной политической единице, в соответствии с которой в Германии будто бы существуют три государства. По этому пути никто не пойдет - ни три западные державы, которые имеют верховную власть в Западном Берлине, ни жители этого города, не говоря уже о правительстве ФРГ. Нельзя выступать за сохранение статус-кво в Европе и менять статус-кво Берлина. Статус-кво в Европе должен действовать и в отношении Берлина. Поэтому он, Бар, не относил бы к разделу провокаций то, что не нарушает статус-кво Берлина.

Мы, продолжал Бар, также не хотим превращать Берлин в яблоко раздора. Соглашение о неприменении силы должно включать и Берлин. Этот город не должен быть пунктом, который создавал бы новые трения, заботы и неприятности, не должно быть осложнений на путях доступа в него и в вопросе внешнего представительства Берлина. Западноберлинцы должны иметь право совершать поездки за границу по федеральным паспортам. Поскольку Берлин не может управляться властями ФРГ, три западные державы и СССР должны сами договориться по берлинскому вопросу. Правительство ФРГ будет готово исходить из этой договоренности четырех держав.

Э.Бар высказал мнение о том, что теоретически соглашения о неприменении силы будут бессрочными, но соглашение между ФРГ и ГДР может быть ограничено сроком, подобно договору между СССР и ГДР 1964 года. Учитывая специфику отношений двух германских государств, такое решение может оказаться подходящим.

Отвечая на замечание А.А.Громыко о том, что заявления западногерманской стороны об отказе от претензий на единоличное представительство всех немцев расходятся с практической деятельностью правительства ФРГ, Бар сказал, что этот лозунг был выдви-

нут прежними правительствами и отражал концепцию, нацеленную на "присоединение" ГДР. Теперь, после признания факта существования второго германского государства, "теория присоединения" умерла, отпали и претензии на единоличное представительство. Федеральное правительство, однако, не собирается устраивать государственные похороны этой концепции.

Советский Союз, продолжал Бар, при внесении корректив в политику, ведет речь о лучшей политике. Мы следуем этому примеру. Советская сторона в связи с вопросом о единоличном представительстве затронула важный вопрос, который, однако, не имеет ничего общего с претензиями на единоличное представительство, — вопрос о практической политике ФРГ. Грубо выражаясь, наше отношение к ГДР зависит от того, готова ли она пойти на нормализацию отношений с ФРГ. Мы уже сделали аванс, когда заявили, что не имеем ничего против, если ГДР будет пользоваться плодами экономического и культурного сотрудничества с другими государствами. Мы, например, не препятствовали заключению пятилетнего торгового соглашения между ГДР и Англией, не возражаем против того, чтобы Франция открыла бюро выдачи виз в Восточном Берлине.

В.М.Фалин. Вы, однако, протестовали против обмена торговыми представительствами между ГДР и Австрией.

Э.Бар. Как известно, лошадь объезжают постепенно. Наша цель состоит в том, чтобы добиться нормализации отношений с ГДР. Если оба германских государства нормализуют свои отношения и в последующем будут приняты в ООН, то это положительно скажется и на международной обстановке.

А.А.Громыко заметил, что на словах правительство ФРГ может и не предъявлять претензий на единоличное представительство, а на практике ничего не менять и действовать в соответствии с прежней линией. Положение от этого не меняется. А ведь именно это имеет место.

Э.Бар высказал в этой связи мысль о том, что в той мере, в какой будут развиваться отношения между двумя германскими государствами, будет, мол, расти и международный авторитет и вес

ГДР. Как оптимист, он, Бар, считает, что урегулировать отношения с ГДР и, следовательно, вопрос о представительстве можно в три месяца, как реалист - в течение полгода - года.

А.А.Громыко. Следовательно, у западногерманской стороны есть возможности трезво урегулировать вопрос о представительстве, которые она почему-то не использует.

Касаясь ссылок правительства ФРГ на отдельные статьи Устава ООН, А.А.Громыко подчеркнул, что Советский Союз не имеет возражений против того, чтобы исходить в своих отношениях с ФРГ из принципов и целей Устава ООН. Советский Союз, как известно, принимал непосредственное участие в разработке Устава ООН и он под ним подписался. Ссылки, очевидно, целесообразно делать на общие принципы и цели Устава ООН, как это обычно имеет место в международных договорах, а не на его конкретные статьи.

Для ФРГ, как нам кажется, ссылка на то, что она будет руководствоваться принципами и целями ООН, имела бы значение и в плане продвижения вопроса о вступлении в ООН обоих германских государств.

Далее А.А.Громыко обратил внимание западногерманской стороны на её неконструктивный подход к вопросу созыва общеевропейского совещания, отметив, что попытки поставить в зависимость участие ФРГ в таком совещании от результатов переговоров об отказе от применения силы не могут не нанести ущерба как одному, так и другому делу.

Мы знаем, что немцы имеют особое умение торговаться, но в политике это не всегда приносит желаемые результаты. Мы против того, чтобы таким путем усложнять созыв общеевропейского совещания.

Э.Бар, касаясь высказываний А.А.Громыко относительно ссылок на Устав ООН, сказал, что, по его личному мнению, такая общая ссылка в соглашении о неприменении силы на то, что стороны будут руководствоваться во взаимных отношениях принципами и целями Устава ООН, могла бы быть достаточной. Разумеется, мы имеем в виду, что советская сторона в отношениях с ФРГ не будет

ссылаясь на статьи 53 и 107 Устава ООН. Об этих статьях можно было как бы забыть. Но, подчеркнул Бар, это мое мнение, и правительство ФРГ может и не согласиться с ним.

А.А.Громыко отмечает, что речь идет о том, чтобы обе стороны руководствовались принципами и целями ООН. Что же касается интерпретации Устава ООН и его тех или иных статей, то её может дать только сама ООН при соблюдении определенного порядка. Это архисложное дело. Никто еще не брался за решение подобной задачи. Кроме того, следует иметь в виду, что Устав ООН имеет примат по отношению к другим международным соглашениям. К рассматриваемому нами вопросу целесообразно подходить с конструктивных позиций, которые отражали бы желание действовать в интересах мира и безопасности, уважения прав всех государств, малых и больших, т.е. сделать ссылку на принципы и цели ООН, а не заниматься произвольной интерпретацией тех или иных статей ООН.

Э.Бар. Если мы хотим достигнуть договоренности, то надо сделать все возможное, чтобы избежать коллизий в интерпретации вопросов. Главное, чтобы после соглашения Советский Союз не ссыпался больше на 53 и 107 статьи Устава ООН. Если бы дело дошло до принятия ФРГ и ГДР в ООН, то было бы, по нашему мнению, достаточно, если бы Советский Союз сослался на общую формулировку, как в аналогичных случаях делают три западные державы, о том, что принятие ФРГ и ГДР в ООН ничего не изменяет в отношении тех прав и обязательств, которые касаются Германии в целом.

А.А.Громыко. Мы не делаем никаких заявлений, касающихся интерпретации Устава ООН, когда принимается новое государство в ООН. Мы просто взвешиваем, способно ли это государство действовать в соответствии с принципами и целями Устава ООН или нет, и занимаем соответствующую позицию.

Э.Бар отметил, что в заявлении бывшего советского представителя в ООН Федоренко в связи с просьбой ГДР о принятии её в ООН имеется ссылка на статью 107 Устава ООН. Это не очень нас радует. Мы предпочитаем ссылку на права и обязанности четырех держав в отношении Германии в целом.

А. А. Громыко ответил, что мы выступаем с заявлениями в пользу принятия в ООН отдельных государств и приводим соответствующие доводы. Это, однако, не значит, что мы обязательно должны сопровождать прием в ООН новых членов различными оговорками. Вас напугало заявление Федоренко. Но вполне возможна и такая ситуация, когда не будет с какой бы то ни было стороны заявлений. Устав есть Устав. Когда мы встречались с Брандтом в 1968 году и был затронут этот вопрос, я ответил: подтверждает кто-либо или не подтверждает отдельные положения Устава ООН, от этого в Уставе ничего не прибавляется и не убавляется. Если кто-нибудь хотел бы изменить Устав ООН в обход предусмотренного самим Уставом порядка его изменения, то из этого ничего не получилось бы. Изменить его в целом или в отдельных частях нельзя.

Э. Бар поблагодарил за дополнительные разъяснения. Мы, конечно, понимаем, что Устав ООН не изменить. Разумеется, Советское правительство само решает, на какие статьи оно будет ссылаться и будет ли вообще ссылаться. Однако, если мы говорим о нормализации отношений между нашими странами, то мы исходим из того, что в отношениях с ФРГ Советский Союз будет ссылаться не на статьи о вражеских государствах, а на принципы и цели Устава ООН.

Что касается общеевропейского совещания, то важно, чтобы Советское правительство правильно поняло позицию правительства ФРГ по этому вопросу. Речь идет не о каком-то торге. Советская позиция состоит в том, чтобы не перегружать повестку дня совещания. Мы согласны с этим.

На наших переговорах обсуждаются вопросы, которые не могут рассматриваться общеевропейским совещанием. Мы пытаемся осуществить ту часть нормализации в Европе, которая может быть сделана только нами. Если наши усилия потерпят провал, то фон для общеевропейского совещания не будет благоприятным. Социалистическим странам, продолжал Бар, следует также учитывать, что три западные державы не воодушевлены идеей общеевропейского совещания и неуспех в переговорах с ФРГ осложнит положение тех, кто выступает в пользу совещания. Если бы мы заключили соглашение о непримене-

РАССЕКРЕЧЕНО
Решение 502-р
“08”08 2011 г.
Дата решения

13.

40

нии силы, то правительство ФРГ получило бы сильный аргумент и могло бы сказать трем державам, что дело продвигается вперед, что есть смысл его продолжить.

В случае неуспеха на переговорах об отказе от применения силы правительство ФРГ подверглось бы критике со стороны общественности и оппозиционных партий внутри страны.

А.А.Громыко отметил, что те, кто выступает против совещания, вам известны больше, чем нам. Мы думаем, однако, что правительство ФРГ при желании может оказать на противников совещания определенное влияние. Как это сделать - вам виднее. Советский Союз положительно воспринял бы, если бы ФРГ присоединилась к усилиям государств по созыву общеевропейского совещания.

Э.Бар заявил, что правительство занимает положительную позицию в вопросе общеевропейского совещания и что Федеративная Республика намерена играть активную и конструктивную роль в этом деле.

Стороны договорились продолжить переговоры в начале следующей недели.

На беседе присутствовали:

с западногерманской стороны посол ФРГ в СССР Г.Аллардт, советник МИД ФРГ К.В.Занне, советник посольства ФРГ в СССР И.Пеккерт, первый секретарь посольства Э.Штабрайт и второй секретарь посольства А.Вайс.

с советской стороны заместитель министра иностранных дел СССР т.Семенов В.С., заведующий З ЕО МИД СССР т.Фалин В.М., зам.заведующего З ЕО т.Токовинин А.А., советник З ЕО т.Крашенинников В.Н., третий секретарь т.Смирнов В.Н.

Верно:

Лебедев